

ПОДРОСТОК О ВОЗМОЖНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО БРАКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСА СТАРШЕКЛАССНИКОВ МОСКВЫ И РИГИ)

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Предваряя основное содержание, стоит обозначить три момента, определяющие наш интерес к теме, обозначенной в названии статьи.

Во-первых, сам вопрос о браке для подростка, как правило, не связан с его актуальной жизненной ситуацией, а рассматривается им с точки зрения своих жизненных перспектив. При этом стоит отметить особую значимость семьи и межличностных отношений в структуре ценностей подростка, поскольку интимно-личностное общение является ведущей деятельностью на данном возрастном этапе [1, 2, 3, 15]. Таким образом, именно в подростковом возрасте актуализируется потребность в установлении интимно-личностных отношений и поиске другого, при этом будущая супружеская жизнь выступает в качестве идеального представления об отношении с другим и входит в круг тех представлений подростка, которые определяют его жизненные перспективы и планы. Добавим, что, по данным социологических опросов, счастливая семейная жизнь включается старшеклассниками в ядро наиболее значимых жизненных ценностей (ее отмечают 54,7%) [7].

Во-вторых, помимо индивидуальных характеристик, способностей, морально-нравственных качеств, в подростковом возрасте при определении значимых других особое внимание начинает уделяться и собственно социальным характеристикам, таким как социальный статус, национальная принадлежность и др., которые определяют допустимость включения тех или иных людей в ближайшее окружение.

В этом контексте важным является вопрос о социальной дистанции, которая характеризует степень близости или отдаленности друг от друга различных социальных групп. Как правило, именно на основе представлений о социальной дистанции строятся шкалы и опросники, посвященные изучению межнациональной толерантности, которые

предлагают оценить, насколько допустимо, чтобы представитель той или иной национальности стал для респондента супругом, соседом, коллегой по работе и т.п. Иными словами, в этих опросниках, оценивающих возможность включения представителей той или иной национальности на соответствующий уровень социального взаимодействия, супружество (включение в состав семьи) рассматривается как минимальная дистанция в социальном взаимодействии, определяющая наиболее высокий уровень межнациональной толерантности [5; 16]. В этом отношении готовность подростка к заключению брака с представителем другой национальности представляет для нас особый интерес.

В-третьих, само вступление в межнациональный брак в сознании подростка может быть связано с целым рядом различных социальных и психологических барьеров. Так, например, брак с представителем другой национальности может вызвать негативную реакцию со стороны близких родственников, которые не желают принимать «чужого» в качестве члена своей семьи. Другим характерным барьером выступает представление о том, что дети от межнациональных браков могут столкнуться со сложностями национальной самоидентификации, иметь множественную или диффузную национальную идентичность. Возможна и другая ситуация, когда заключение брака с представителем другой национальности выступает как угроза собственной национальной самоидентификации. На негативное отношение к возможности заключения межнационального брака также могут влиять культурные различия между представителями разных национальностей, поскольку межнациональный брак нарушает религиозные и национальные традиции. Помимо вышеназванных барьеров, перспектива заключения брака с представителем другой национальности для подростка может быть связана со сменой социального статуса, поскольку некоторым национальностям может приписываться более

низкий (или, напротив, более высокий) статус в социальной структуре общества. В этой связи подчеркнем, что отношение подростка к возможности заключения брака с представителем другой национальности может определяться социокультурной ситуацией, принадлежностью к представителям национального большинства или меньшинства, его самоидентификацией, в частности позитивным или негативным эмоциональным отношением к собственной национальной принадлежности. Таким образом, обозначенные выше моменты затрагивают вопрос о значимости тех или иных барьеров, препятствующих вступлению в брак с представителем другой национальности. Это и является предметом настоящего исследования.

КАК ИССЛЕДОВАТЬ БАРЬЕРЫ?

Для выявления отношения подростков к перспективе включения представителей другой национальности в свое ближайшее социальное окружение особое значение представляют те мотивировки, которыми обуславливается неготовность заключить брак с представителем другой национальности. В этой связи респондентам был предложен вопрос: «Считаете ли Вы для себя возможным вступление в брак с представителем другой национальности?». Предложенные варианты ответов не только учитывают допустимость вступления в брак, но и фиксируют различные виды мотивировок, которые используют подростки, обосновывая свой отказ от рассмотрения возможности заключения межнационального брака.

Эти мотивировки имеют определенную структуру и фиксируют различные социальные и психологические барьеры. Так, вариант ответа «нет, это неизбежно вызовет конфликты в семье» позволяет говорить о жестком социальном контроле на уровне семейных отношений, когда проявляется общая охранительная установка относительно включения в круг внутрисемейных отношений «чужаков». Причем этот контроль проявляется непосредственно на поведенческом уровне.

Другой, более мягкий вариант ответа «нет, потому что я не могу нарушить семейные традиции» также связан с достаточно жестким социальным контролем, который, однако, реализуется не столько на поведенческом, сколько на идеологическом уровне. Заметим, что, на наш взгляд, выбор подобного варианта ответа может быть наиболее приемлем для подростков, относящихся к груп-

пам различных национальных меньшинств, для которых сохранение традиций, ценностей, норм своего народа и заключение брака с представителем собственной национальности связаны с сохранением национальной идентичности и стремлением избежать ассимиляции с представителями национального большинства.

Выбор ответа «нет, так как я не хочу, чтобы дети столкнулись с проблемой выбора национальности» отражает возможные опасения респондентов относительно возникновения трудностей национального самоопределения у детей от смешанных браков. Возможно, подобный вариант ответа будет характерен для тех респондентов, чьи родители являются представителями разных национальностей.

Вариант ответа «нет, так как я хочу, чтобы мои дети были той же национальности» характеризует сформировавшуюся охранительную позицию самого подростка, когда национальная идентичность представляет для него особую ценностную значимость.

Вариант ответа «да, потому что я не хочу чтобы супруга(а) был(а) моей национальности» фиксирует особую защитную реакцию, связанную с «разинтеграцией» с той национальной общностью, к которой принадлежит респондент.

И наконец, последний вариант ответа «для меня национальность супруга(и) не будет иметь значения» отражает безразличное отношение к национальности при включении тех или иных людей в группу ближайшего окружения подростка.

ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫБОРОК

Статья основана на материалах кросскультурного исследования, проведенного в 2010 году Институтом социологии образования РАО совместно с Рижской академией педагогики и управления образованием. Анкетный опрос проводился среди учащихся 9–11-х классов общеобразовательных школ Москвы и 9–12-х классов школ Риги. В Москве были опрошены 993 московских школьника, в Риге же были сформированы две подвыборки, в одну из которых вошли 964 ученика школ национальных меньшинств (официальное название школ, где обучаются русскоязычные дети), а во вторую — 975 учащихся рижских общеобразовательных школ. Выделение учеников школ национальных меньшинств (в нашем случае — русскоязычных) в качестве отдельной подвыборки имеет принципи-

альное значение для данного исследования, поскольку позволяет рассмотреть мнения русских, находящихся в особой социокультурной ситуации — ситуации, когда их статус характеризуется принадлежностью к национальному меньшинству.

Как мы отмечали выше, один из ключевых моментов нашего исследования касается влияния национального статуса (принадлежности к национальному большинству, меньшинству или группе детей от смешанных браков) на возможность заключения брака с представителем другой национальности. В этой связи в ходе анализа полученных материалов мы использовали данные ответов на вопросы, в которых респондентов просили указать свою национальность, а также национальность отца и матери. Результаты позволили нам выделить три подгруппы респондентов: представители национального большинства, представители национальных меньшинств и дети от смешанных браков представителей национального большинства с представителями других национальностей. В московской подвыборке это следующие группы: русские, представители национальных меньшинств и дети от смешанных браков русских с представителями национальных меньшинств; в Риге — латыши, представители национальных меньшинств, большую часть из которых составляют русские (95,0%), и дети от смешанных браков латышей с представителями других национальностей. Процентное распределение этих групп респондентов в Москве и Риге приведено в таблице 1.

Приведенные в таблице 1 данные показывают, что мы имеем возможность провести корректный статистический анализ результатов ответов на вопрос о возможности вступления в брак с представителем другой национальности с учетом влияния двух факторов: национального статуса (национальное большинство, дети от смешанных браков, национальное меньшинство) и социокультурного

контекста обучения (московские общеобразовательные школы, школы национального большинства и школы национальных меньшинств в Риге).

МОСКОВСКИЕ УЧАЩИЕСЯ О ВОЗМОЖНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА С ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ДРУГОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Полученные данные показывают, что почти половина респондентов (42,8%) фиксирует наличие тех или иных барьеров, препятствующих заключению брака с представителем другой национальности. В соответствии с обозначенными выше линиями анализа особый интерес представляет сопоставление ответов школьников в зависимости от национального статуса. Для этого сравним ответы трех групп учащихся: принадлежащих к национальному большинству, национальному меньшинству и группе детей от смешанных браков русских с представителями национальных меньшинств (см. рисунок 1).

Приведенные на рисунке 1 данные показывают, что во всех трех группах более половины респондентов не склонны придавать особого значения национальной принадлежности, выбирая вариант ответа «для меня национальность супруга(и) не будет иметь значения». Характерно, что данной позиции значительно чаще придерживаются дети от смешанных браков — 69,9% (для сравнения: среди русских таких 55,3%, среди национальных меньшинств — 55,7%, $p \leq .05$). Подобное отношение к национальности при выборе супруга в этой группе детей можно объяснить влиянием сформировавшейся у них «множественной» национальной идентичности. Действительно, неопределенность в вопросе собственной национальной принадлежности нивелирует ценностную значимость фиксации национальных границ.

Совершенно иначе выглядят ответы представителей национального меньшин-

Таблица 1

Распределение подвыборок старшеклассников в Москве и Риге (%)

	Ученики московских школ	Ученики рижских общеобразовательных школ	Ученики школ национальных меньшинств Риги
Представители национального большинства	77,1	84,4	1,8
Дети от смешанных браков представителей национального большинства и меньшинства	10,2	9,8	15,1
Представители национального меньшинства	12,7	5,8	83,1

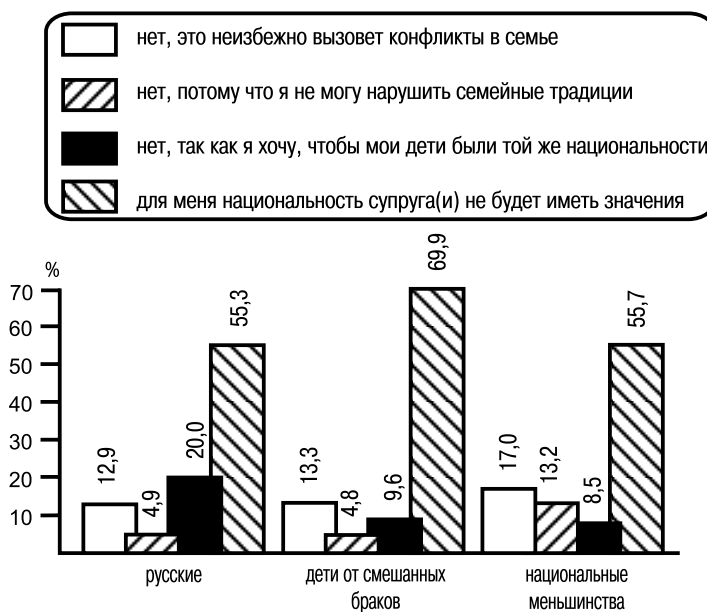

Рисунок 1

Распределение ответов учащихся московских школ на вопрос о возможности вступления в брак с представителем другой национальности (%)

ства. Как видно из рисунка 1, здесь явно выражены охранительные установки. Причем особенно ярко они проявляются не столько на поведенческом («неизбежно вызовет конфликты в семье»), сколько на идеологическом уровне. Так, среди представителей национальных меньшинств 13,2% называют в качестве барьера для вступления в брак с представителем другой национальности нарушение семейных традиций (для сравнения: среди русских таких 4,9%, среди детей от смешанных браков — 4,8%, $p = .001$). Таким образом, восьмая часть представителей национальных меньшинств, оценивая возможность заключения брака с представителем другой национальности, склонна прибегать не к адаптации как эффективной культурной стратегии, а к стремлению сохранить общность и однородность своей национальной группы. В целом же с учетом доли тех, кто считает, что брак с представителем другой национальности «неизбежно вызовет конфликты в семье» (а таких среди представителей национального меньшинства 17,0%), можно сделать вывод о том, что суммарно каждый третий подросток, относящийся к национальному меньшинству, фиксирует наличие в своей семье охранительных антиассимиляционных установок. В группах же представителей национального большинства и детей от смешанных браков

доля подобных ответов практически в два раза меньше.

Важно обратить внимание и на гендерные различия, проявившиеся в ответах представителей национальных меньшинств. Так, девочки значительно чаще (20,4%), чем мальчики (5,4%) называют нарушение семейных традиций основным барьером к заключению межнационального брака ($p = .02$). На наш взгляд, этот результат фиксирует более высокую нормативность девушек — представительниц национального меньшинства в соблюдении семейных традиций, регулирующих нормы брачных отношений. Возможно, это связано с тем, что национальность у большинства народов наследуется по отцу. Соответственно мужчина при заключении брака с представительницей другой национальности передаст своим детям ту национальность, к которой он сам принадлежит. У девушек, заключивших брак с представителем другой национальности, ситуация иная: вероятность, что их дети будут формально иметь национальность отца, гораздо выше. В этой связи, повторимся, более высокая нормативность в соблюдении семейных традиций при заключении брачных отношений у девушек вполне объяснима.

И наконец, особый интерес представляют данные, касающиеся выбора варианта ответа «я хочу, чтобы мои дети были той же

национальности, что и я». Как видно из рисунка 1, его выбирает каждый пятый представитель национального большинства (в группе русских школьников их доля 20,0%). Среди детей от смешанных браков и в группе представителей национальных меньшинств таких в два раза меньше — 9,6% и 8,5% соответственно, $p = .02$. Таким образом, у представителей национального большинства более выражена внутренняя мотивация отказа от перспективы заключения брака с представителем другой национальности. На наш взгляд, этот момент крайне важен при сопоставлении с ответами учащихся из группы национальных меньшинств. Действительно, если представители национальных меньшинств склонны в качестве преграды для вступления в межнациональный брак указывать на контроль со стороны семьи (семейный конфликт, традиции), т.е. на внешние барьеры, то для представителей национального большинства в качестве главного аргумента чаще всего выступает собственное желание: «я хочу, чтобы мои дети были той же национальности, что и я».

Особый интерес представляет анализ влияния на мнение учащихся о возможности вступления в брак с представителем иной национальности отношения к собственной национальной принадлежности. С этой целью респондентам был предложен специальный вопрос: «Каково Ваше отношение к собственной национальности?», — предусматривающий три варианта ответа: «позитивное», «нейтральное» и «негативное».

Характерно, что те школьники, которые фиксируют нейтральное или негативное отношение к собственной национальности, чаще, чем те, кто «гордится» ею, отмечают, что для них национальность будущего супруга(и) не будет иметь значения (75,2% и 46,1% соответственно, $p = ,0000$).

При этом школьники, гордящиеся собственной национальной принадлежностью, в качестве барьера для вступления в брак с представителем другой национальности чаще указывают на конфликты в семье — 17,8% (среди нейтрально относящихся к собственной национальности — 6,5%, $p = .0000$) либо на желание, чтобы их дети были той же национальности — 22,1% (для сравнения: нейтрально относящиеся к собственной национальности — 8,8%, $p = .0000$). Иными словами, здесь усиливается значимость как внешних, так и внутренних барьеров, характерных для представителей национального меньшинства и большинства.

УЧАЩИЕСЯ РИЖСКИХ ШКОЛ ОБ ОТНОШЕНИИ К ВОЗМОЖНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА С ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ДРУГОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Особый интерес представляет рассмотрение особенностей отношения к браку с представителем другой национальности у детей из рижских общеобразовательных школ, т.е. тех школ, где преподавание ведется на латышском языке. Напомним, что основную долю здесь составляют латыши — 84,4%, доля же детей от смешанных браков с латышами в этих школах составляет 9,8%, а представителей национального меньшинства — 5,8%. Распределение ответов на вопрос о возможности вступления в брак с представителем другой национальности в этих группах респондентов приведено на рисунке 2.

Как видно из рисунка 2, подавляющее большинство учащихся рижских общеобразовательных школ считает, что для них «национальность супруга(и) не будет иметь значения». Причем это характерно для всех трех групп учащихся: латышей, детей от смешанных браков с латышами, представителей национальных меньшинств. Следует обратить внимание на то, что по сравнению с опросом москвичей данный вариант ответа выбирается гораздо чаще (см. рисунок 1), что позволяет сделать вывод о большей толерантности рижских подростков из общеобразовательных школ при решении вопроса о возможности вступления в межнациональный брак.

Вместе с тем приведенные данные показывают, что в целом при ответе на вопрос о вступлении в межнациональный брак у представителей национального большинства и национальных меньшинств проявились две схожие тенденции, что и в ответах москвичей. Первая состоит в том, что представители национального меньшинства чаще, чем представители национального большинства, склонны фиксировать в качестве барьера внешние факторы, касающиеся семьи, считая, в частности, что межнациональный брак «неизбежно вызовет конфликты в семье» (12,0% и 4,9% соответственно, $p = .03$). В то же время заметим, что в отличие от национальных меньшинств, проживающих в Москве, представители национальных меньшинств в Риге практически не ссылаются на такой тип социальных барьеров, как семейные традиции. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что сами культуры, к которым принадлежат национальные меньшинства, в Москве и Риге принципиально отличаются.

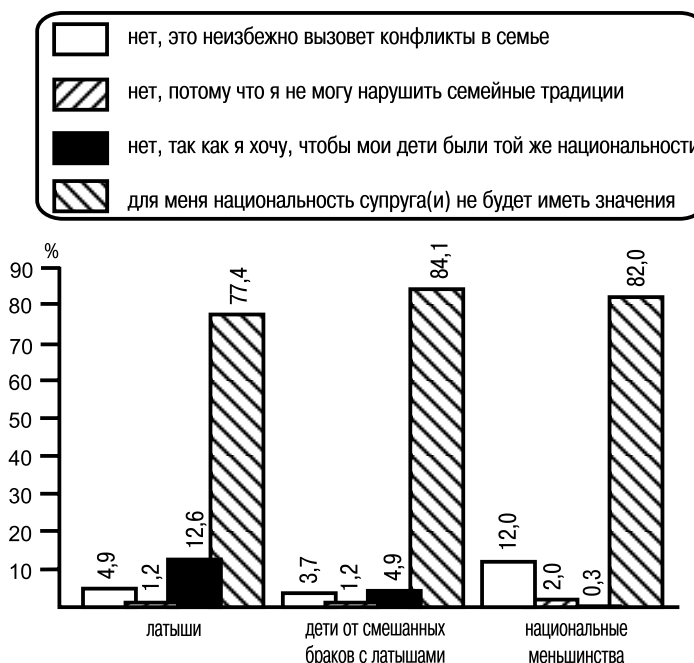

Рисунок 2

Ответы учеников рижских общеобразовательных школ на вопрос о возможности вступления в брак с представителем другой национальности (%)

Вторая тенденция состоит в том, что представители национального большинства (латыши) чаще выбирают в качестве барьера для вступления в межнациональный брак желание, чтобы их дети были той же национальности, что и они (12,66% и 0,3% соответственно, $p = ,008$).

Специальный анализ ответов учащихся школ национальных меньшинств Риги выявляет явное доминирование ответа «для меня национальность супруга(и) не будет иметь значения», который выбирают 86,7% латышей, 85,0% детей от смешанных браков с латышами и 82,5% представителей национальных меньшинств.

* * *

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов.

Для большей части школьников Москвы и Риги национальность будущего супруга не имеет особого значения. При этом отношение к заключению брака с представителем другой национальности обусловлено влиянием общего социокультурного контекста. Так, ученики рижских школ в целом более толерантны к возможности вступления в межнациональный брак, чем ученики московских школ.

На отношение к вступлению в брак с представителем другой национальности влияет принадлежность респондентов к национальному большинству или меньшинству. При этом внешние социальные барьеры (мнение семьи, традиции) чаще указывают представители национального меньшинства. Внутренняя охранительная установка (желание, чтобы дети были той же национальности) более характерна для представительей национального большинства. Обе эти тенденции явно проявились как в Москве, так и в Риге.

Особый интерес представляет вопрос об эмоциональном отношении к собственной национальной принадлежности. Полученные данные позволяют говорить о том, что позитивная самоидентификация усиливает ориентацию как на внешние, так и на внутренние барьеры, препятствующие вступлению в межнациональный брак. Однако в данном случае можно говорить лишь о тенденции, которая нуждается в более глубоком и тщательном анализе. В то же время этот сюжет имеет очень важное значение при организации воспитательного процесса, формируя толерантное отношение к представителям других национальных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе.— М.: Институт практической психологии, 1996.— 551 с.
2. Выготский Л.С. Проблема возраста // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т.— М., 1984.— Т.4.— С. 244–268.
3. Кон И.С. Психология старшеклассника.— М.: Просвещение, 1994.— 192 с.
4. Лебедева Н.М. Этническая толерантность в России и способы ее укрепления // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе.— Ставрополь: , 2003.— С. 136–142.
5. Проблемы толерантности в подростковой субкультуре. Труды по социологии образования. Т.VIII. Вып. XIII / Под ред. В.С.Собкина.— М.: ЦСО РАО, 2003.— 390 с.
6. Собкин В.С. Сравнительный анализ особенностей ценностных ориентаций русских и еврейских подростков. Ценностно-нормативные ориентации старшеклассника // Труды по социологии образования. Т. III. Вып. IV.— М.: ЦСО РАО, 1994.— С. 6–63.
7. Собкин В.С., Буреломова А.С. Ценностные ориентации современного подростка // Труды по социологии образования. Т.XVI. Вып. XXVIII / Под ред. В.С.Собкина.— М.: ЦСО РАО, 2011. (в печати)
8. Собкин В.С., Глухова Т.В., Мутерперель С.В. Национальная идентичность и межнациональная толерантность в подростковом возрасте // Возрастные особенности формирования толерантности. Труды по социологии образования. Т.VIII. Вып. XIV.— М.: ЦСО РАО, 2003.— С. 152–172.
9. Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов.— М.: Мысль, 1996.— С. 296–366.
10. Собкин В.С., Смылова М.М. Эмоциональные особенности национальной самоидентификации старшеклассников (по материалам кросскультурного исследования учащихся школ школ Москвы и Риги) // Труды по социологии образования. Т XV. Вып. XXVII.— М.: Институт социологии образования РАО, 2011.— С. 59–74.
11. Психодиагностика толерантности личности / Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой.— М.: Смысл, 2008.— 172 с.
12. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности.— М.: Смысл, 1998.— 387 с.
13. Стефаненко Т.Г. Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности.— М.: Старый Сад, 1999.— 248 с.
14. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов.— М.: Аспект Пресс, 2003.— 368 с.
15. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л. С. Выготского).— М.: Тривола, 1994.— 168 с.
16. Bogardus E.S. Measuring social distance // Journal of Applied Sociology. —1925.— Vol. 9.— P. 299–308.